

ПРОФЕССОР Э.Д. ГРИММ (1870–1940) И ЕГО «ДЕЛО»

Рассмотрены основные вехи жизненного пути и научной деятельности Э.Д. Гримма, обстоятельства и причины его ареста. В центре внимания «выбитые» следователями показания Э.Д. Гримма, на основе которых они фабриковали дело об антисоветской подпольной организации, состоящей из ряда московских и ленинградских академиков и профессоров – бывших членов кадетской партии (В.И. Вернадский, В.М. Алексеев, А.А. Грушка, Ю.В. Готье, В.В. Струве и др.), руководимой и направляемой Заграничным кадетским центром во главе с П.Н. Миллюковым и А.М. Ону. И только смена руководства НКВД, а быть может, в какой-то степени и упоминание Э.Д. Гримма, побудили их отказаться от этого намерения.

Ключевые слова:

Гражданская война в России, Эрвин Давидович Гримм, история Древнего Рима, история Франции XVIII–XIX вв., политические репрессии в СССР, Санкт-Петербургский университет.

Брачев В.С. Профессор Э.Д.Гримм (1870–1940) и его «дело» // Общество. Среда. Развитие. – 2019, № 1. – С. 19–25.

© Брачев Виктор Степанович – доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, e-mail: V.Brachev@yandex.ru

Мрак неизвестности, окутывавший долгое время судьбу последнего ректора дореволюционного императорского Санкт-Петербургского Университета (1911–1918 г.г.) Эрвина Давидовича Гримма, благодаря публикациям О.М. Беляевой 2009–2011 гг., во многом уже может считаться рассеянным [3–5]. Ценный материал о Э.Д. Гримме, относящийся к его пребыванию в должности ректора Санкт-Петербургского университета приводит в своей монографии Е.А. Ростовцев [25]. Тем не менее, целый ряд сюжетов жизненного пути, научной и административной деятельности Э.Д. Гримма по-прежнему вызывает вопросы и нуждается в дальнейшем изучении.

В центре внимания автора – советский период жизни и деятельности профессора, когда он с большим или меньшим успехом пытался приспособиться к новым, советским реалиям. Закончилось все это, как и следовало ожидать, учитывая его кадетское прошлое, трагически: арест (1938 г.), дикое обвинение в шпионаже, усиленные допросы, психическое расстройство, помещение в психлечебницу и преждевременная смерть.

Родился Э.Д. Гримм 27 декабря 1870 года в Санкт-Петербурге в семье профессора ар-

хитектуры Императорской Академии художеств, одного из создателей «русского стиля» Давида Иванович Гримма (1823–1899) и его жены Эмилии Федоровны, урожденной Мейковой. Кроме Эрвина в семье было еще три сына Давид, Герман, Максимилиан и дочь Гедвига. После окончания в 1891 году историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета Э.Д. Гримм был оставлен для подготовки к профессорскому званию. С сентября 1894 года – приват-доцент Санкт-Петербургского университета по кафедре всеобщей истории. В январе 1896 года был переведен в Казанский университет и в родные стены вернулся только в 1899 году.

Магистерская и докторская диссертации Э.Д. Гримма посвящены истории развития института императорской власти в Древнем Риме: магистерская (защищена 29 мая 1900 г.) – «Римская императорская власть от Августа до Нерона» [20], докторская (защищена 31 марта 1902 года) – «Римская императорская власть от Гальбы до Марка Аврелия» [21]. С 1 января 1903 года Э.Д. Гримм – уже экстраординарный профессор по кафедре Всеобщей истории. Дальнейшего развития студии Э.Д. Гримм-

ма в области древнеримской истории не получили, и научные интересы его оказались сосредоточенными на истории Франции XVIII – первой половины XIX веков: «Революция 1848 года во Франции» в двух частях (1908 г.) [16; 17], «Мирабо. Очерк из истории Великой Французской революции (1908 г.) [14], «Политические воззрения Ипполита Тэна» (1910 г.) [15]. Работам Гримма 1908–1910 гг. по новой истории Франции, в которых с такой яркостью нашли свое отражение его умеренно-либеральные взгляды, суждено было стать последними серьезными научными публикациями ученого.

Дело в том, что ещё в октябре 1905 года Э.Д. Гримм становится членом кадетской партии, что собственно и предопределило его дальнейший карьерный рост в университете: сначала (ноябрь 1908 г.) в качестве проректора по студенческим делам, а с 26 октября 1911 года – уже и его ректором [24, с. 159–160], в должности которого он оставался по факту до середины июня, а формально – до 17 октября 1918 года [5, с. 231].

Оказавшись по семейным обстоятельствам в июне 1918 года на юге России, Э.Д. Гримм решил не возвращаться в большевистский Петроград и остался в результате на службе у «белых»: сначала в краевом правительстве Крыма, а после того, как оно пало (май 1919 г.), в Осведомительном военном агентстве (ОСВАГ) правительства А.И. Деникина. Однако и оно продержалось недолго (до декабря 1920 г.) [2, л. 21], после чего (март 1921 г.) эмигрировал в Болгарию. Преподавал в Софийском университете, опубликовал ряд статей в первом и втором выпусках «Русского сборника» (София, 1920). Сблизившись с представителями советской разведки (А.Ф. Гуцин, Агеев), вступил в курируемый ими «Союз возвращения на Родину» и редактировал его газету «Новая Россия», издававшуюся на деньги Советского представительства в Болгарии. В июле 1923 года по распоряжению болгарского правительства был арестован и выслан в СССР.

Поселившись, по рекомендации властей, в Москве, получил (апрель 1924 г.) место референта Общеполитического архива Народного комиссариата иностранных дел, читал спецкурсы по истории международных отношений на Дальнем Востоке в XIX – начале XX вв. в Институте Востоковедения им. Н.Н. Нариманова. С 1925 по 1929 гг. подготовил и опубликовал ряд обзоров и документальных публикаций на эту тему. «Первой ласточкой» здесь суждено было стать вышедшему в 1927 году «Сборнику договоров и других документов по истории международных отношений на

Дальнем Востоке 1842–1925 гг.» [22], предназначенному для студентов института в качестве учебного пособия.

Как водится в таких случаях, публикацию самих документов (всего их 94) предваряет составленный Э.Д. Гриммом «Обзор истории международных отношений на Дальнем Востоке». Из других документальных изданий, подготовленных с его участием, можно назвать сборник «Константинополь и проливы» (М., 1928) с вводной статьей Э.Д. Гримма, а также 4-й и 5-й тома обширной документальной публикации «Международная политика эпохи империализма» сер. 3 (М., 1933). Обращают на себя внимание и его рецензии на зарубежные публикации по истории международных отношений. За редким исключением [13, с. 38–54] практически все они посвящены «китайскому вопросу». «Китайский вопрос от Симоносекского мира до мировой войны» [11, с. 44–62], «Доктрина открытых дверей и американская политика в Китае от 1899 до 1921–1922 гг.» [12, с. 109–130], «Этапы китайской революции и Вашингтонская конференция 1921–1923 гг.» [23, с. 45–61] и др.

Но продолжалось это недолго, и в 1929 году в связи с реорганизацией института Э.Д. Гримм был уволен и переехал на постоянное место жительства в Ленинград. О том, чтобы вернуться здесь к преподавательской работе, не могло быть и речи. Как и в Москве, известный ученый, доктор наук, бывший ректор университета здесь никому не был нужен, и Э.Д. Гримму не оставалось ничего другого, как согласиться на должность редактора-консультанта Объединенного государственного издательства (ОГИЗ) в Ленинграде. Проработав здесь два года, он был уволен и с трудом получил ничтожное место библиотекаря отдела комплектования в Библиотеке Академии Наук, сначала на договорной, а с сентября 1932 года на постоянной основе. И только в феврале 1934 года Э.Д. Гримм дослужился, наконец, до должности старшего библиотекаря [18, с. 195].

Казалось бы, это уже конец когда-то блестящей карьеры ученого. Но оказалось, что это не так, и неожиданно для него в июне 1934 года уже ни на что не надевавшийся Э.Д. Гримм был приглашен на работу в Институт истории феодального общества Государственной академии истории материальной культуры. Дальше – больше. По ходатайству дирекции ГАИМК его не только утвердили 1 февраля 1936 года в ученой степени доктора исторических наук [26, л. 17], но еще и в ученом звании ее действительного члена по специальности «История средних веков». После назначения и.о.

заведующего кафедрой истории Западной Европы в эпоху феодализма [5, с. 337] Э.Д. Гримму было поручено чтение для аспирантов ГАИМК ответственного курса «Основные проблемы западно-европейской истории в эпоху феодализма» [5, с. 339].

Конечно же, поразительная перемена в жизни скромного библиотекаря на самом деле – никакое ни чудо, а прямой результат действия Постановления Совнаркома и ЦК ВКП (б) от 16 мая 1934 года «О преподавании гражданской истории в школах СССР», одним из последствий которого стало, между прочим, то, что третируемая ранее историками-марксистами старая дореволюционная профессура, одним из видных представителей которой и являлся Э.Д. Гримм, вновь оказалась востребованной на «историческом фронте».

Основные усилия небольшого коллектива, во главе которого оказался Э.Д. Гримм, были сосредоточены на подготовке школьного учебника по истории средних веков [5, с. 328]. Однако организовать должным образом работу своих сотрудников Э.Д. Гримм не сумел, и в свет учебник так и не вышел. Понять это можно, т.к. сам Гримм в это время много болел (суставной ревматизм, туберкулез) и, по свидетельству Н.П. Анциферова, выглядел полной развалиной [1, с. 163].

Большой интерес в этом плане представляет характеристика, выданная Э.Д. Гримму в ГАИМК 2 апреля 1938 года, подписанная председателем месткома В.А. Михайловой и председателем Ленинградского бюро Союза научных работников М.А. Тихановой. «Доктор исторических наук Э.Д. Гримм, – читаем мы здесь, – работал в ГАИМК в качестве ее действительного члена с 1934 по 1937 год. В силу своего преклонного возраста и длительной болезни не принимал активного участия в общественной жизни ГАИМК.

В то же время, не только в здоровом состоянии, но и во время болезни, на долгое время лишавшей его возможности выходить из дома, Э.Д. Гримм неизменно оказывал помощь аспирантам кафедры истории средних веков, не только прикрепленных к нему, но и формально с ним не связанных. А также младших товарищей по работе, делясь с ними своими большими знаниями и многолетним опытом исследовательской работы. Э.Д. Гримм принимал также активное участие во всей работе кафедры, особенно в обсуждении подготовленного ГАИМК учебника, отдавая этому делу часы своего досуга» [26, л. 9].

К этому составители характеристики могли бы добавить о практически готовой

к публикации монографии ученого «Очерки по истории агрикультуры и агротехники Германии в XVI веке», опубликовать которую ему, к сожалению, так и не удалось. Неопубликованными остались и подготовленные им к печати две статьи. Первая – «О значении и приемах сравнительно-исторического изучения варварских правд, как источника по истории разложения родового и развития раннефеодального строя», вторая – «Бургундская деревня в X–XII веках» [9, л. 15–15об.], представляющая собой критический разбор, вышедшей в 1935 году работы Н.П. Грацианского на эту тему [10]. Из этого можно заключить, что несмотря на физическую немощь, в интеллектуальном плане Э.Д. Гримм оставался еще вполне работоспособен.

Тем не менее, в связи с реорганизацией ГАИМК постановлением Президиума АН СССР 8 октября 1937 года он был освобожден от занимаемой должности [5, с. 340]. Крайне задетый этим Э.Д. Гримм, надо отдать ему должное, не смирился с увольнением и после обращения в Комитет Советского контроля получил с 1 января 1938 года место внештатного сотрудника Ленинградского отделения Института истории АН СССР с окладом 700 рублей в месяц. С 1 июля по 26 августа 1938 года находился в отпуске, но уже 1 сентября был уволен [26, л. 13] в связи с арестом.

В поле зрения ленинградских чекистов Э.Д. Гримм попал летом 1938 года как бывший член кадетской партии. Большой интерес в этой связи представляет «Справка на арест» ученого, датированная 8 августа 1938 годом, за подписью зам.начальника 4 отдела УГБ НКВД Ленинградской области сержантом ГБ Миничевым.

Из имеющихся в отделе материалов, читаем мы здесь, видно, что в прошлом Э.Д. Гримм был активным членом кадетской партии. В годы гражданской войны служил у белых, после поражения которых эмигрировал в Болгарию. В 1923 году возвратился в СССР, чтобы продолжить здесь контрреволюционную деятельность. Особое внимание составителя справки привлекла опубликованная ещё в 1915 году статья Э.Д. Гримма «Борьба народов» [19, с. 1–20], как якобы пропагандирующая контрреволюционные и националистические теории.

Убеждение Э.Д. Гримма, что война 1914–1918 гг. была войной не против немецких «командующих классов», а со всем немецким народом, для которого эта война национальная, объединила все слои Германии – от крестьянина и рабочего до литератора, было расценено им как «национа-

листическая контрреволюционная пропаганда». «Немцы, – цитирует в связи с этим составитель справки (правда не точно) Э.Д. Гримма, – вправе в условиях колоссального роста германской промышленности и недостатка территорий предложить соседям посторониться, что бы дать немецкому народу возможность существовать и развиваться так, как он считает для себя нужным. Для немцев современная война – есть война национальная и она станет таковой еще в гораздо большей силе. Только этим и можно объяснить, что, гордая немецкая демократия сразу же забыла рознь и, ни на минуту не задумавшись выступить под знаменем Циммервальда» [2, л. 1об.–2].

Следующим документом, отложившимся в архивно-следственном деле ученого, который, собственно, и решил его участь, является постановление об избрании ему меры пресечения и предъявлении обвинения от 25 августа 1938 года по ст. 58–10 и 58–11, за подписью начальника 4 отдела капитаном ГБ Гейманом. Согласно ему, Э.Д. Гримм «достаточно избобличается в том, что является участником контрреволюционной кадетской организации в Ленинграде и ведет шпионскую деятельность». 27 августа 1938 года постановление об аресте Э.Д. Гримма было санкционировано прокурором Ленинградского Военного Округа [2, л. 3–3об.]

В тот же день он, судя по всему, и был арестован [2, л. 71] у себя на 5-й Красноармейской улице, д. 17, кв. 37. (В деле фигурирует, впрочем, и другой домашний адрес ученого: 13 линия Васильевского острова, д. 13, кв. 28). Правда, в «Докладной записке» на имя начальника управления НКВД СССР по Ленинградской области в связи с приостановкой 27 ноября 1938 года следствия по делу Э.Д. Гримма, приводится совсем другая дата. «Обвиняемый Гримм Э.Д., – читаем мы здесь, – был арестован 3 сентября 1938 года» [2, л. 69]. Но это, скорее всего, ошибка.

Куда более существенным в его деле является отсутствие в нем показаний против него других лиц. Не было проведено по нему и обычных, в таких случаях, арестов. Получается, что единственным источником сведений о якобы существовавшей в Москве и Ленинграде в конце 1920-х – начале 1930-х годов некоей контрреволюционной подпольной кадетской организации являются показания Э.Д. Гримма. К ним мы и обратимся.

Первое, что обращает на себя внимание – это подозрительная согласованность так называемых «признательных показаний» Э.Д. Гримма от 14 сентября 1938 года с характером предъявленных ему обвине-

ний. Создается впечатление, что прежде, чем зафиксировать его показания под стенограмму, следствие успело с ним основательно поработать. И действительно, внимательное изучение показаний ученого не оставляет сомнений, что его допросам от 14 и 17 сентября 1938 года предшествовали (по крайней мере один – совершенно точно) [2, л. 35] другие, в дело не вошедшие.

Тем не менее, и имеющихся доступных сегодня нам показаний Э.Д. Гримма достаточно, чтобы уяснить основные контуры и оценить масштаб задуманного ленинградскими чекистами нового погрома (первым было «Академическое дело» 1929–1931 годов) [7] и без того уже основательно поредевших рядов старой дореволюционной научной интеллигенции.

Неудивительно поэтому, что первый вопрос, который был задан Э.Д. Гримму следователем на допросе 14 сентября 1938 года, был следующий: «На каких политических позициях Вы стояли к октябрю 1917 года?» – «К Февральской революции отнесся почтительно, к Октябрьской – враждебно, – отвечал на это Э.Д. Гримм. – Принимал участие в работе так называемого Предпарламента в качестве одного из представителей профессуры высших учебных заведений и выступал с антибольшевистскими статьями в печати в период подготовки к Октябрьской революции. С конца ноября 1917 года по январь 1918 года и с июня 1918 года находился на юге, в частности в Ростове на Дону и в Харькове в рядах врагов Советской власти», – вынужден был признать ученый [2, л. 14].

Повышенный интерес у следствия вызвал вопрос о результатах встречи Э.Д. Гримма с атаманом войска Донского А.М. Калединым во время его первой поездки на юг в ноябре–декабре 1917 года, о чем у нас уже шла речь. Э.Д. Гримм пояснил, что А.М. Каледин и генерал М.В. Алексеев якобы поручили ему быть их представителем по изысканию денежных средств на нужды Добровольческой Армии.

– «И Вы дали на это согласие?» – задает вопрос следователь.

– Да, дал согласие, – отвечал Э.Д. Гримм.

Вопрос – Что же Вы сделали?

Ответ – Ничего.

Вопрос – Почему?

Ответ – Банки практически перестали функционировать. Я вернулся в Петроград не как предполагал – в начале декабря, а в конце января 1918 года. К этому времени уже был издан декрет о национализации банков» [2, л. 16].

Что касается его службы у генерала А.И. Деникина в Осведомительном агентстве (ОСВАГ), то, как пояснил Э.Д. Grimm, на его долю пришлось заведование литературно-ожоужественным и техническим отделами. Никакого отношения к разведывательной деятельности он там не имел [2, л. 38].

Основная версия следствия состояла в том, что Э.Д. Grimm возвратился в 1923 году в СССР не для того, что бы работать здесь на благо трудящихся, а для подпольной работы по заданию английской разведки [2, л. 42]. И, к сожалению, старый больной ученый, не выдержав угроз и запугивания, а, возможно, и физических мер воздействия на него со стороны следователей, согласился дать так называемые признательные показания.

Прибыв в СССР, заявил он, «я решил создать широкую антисоветскую организацию» [2, л. 59]. Но один Э.Д. Grimm, пусть даже и по заданию английской разведки, тем более в Москве, где у него не было практически никаких серьезных знакомств и связей, создать широкую антисоветскую организацию конечно же, без посторонней помощи, никак не мог. В поисках выхода из этого затруднительного положения следствие вспомнило о покойном уже к этому времени (умер в 1933 г.) академике С.Ф. Платонове, проходившем в качестве главного фигуранта по «Академическому делу 1929–1931 гг.» и поддерживавшим в своё время, в отличие от Э.Д. Grimm, тесные связи с московскими историками.

«Вскоре после того как я поселился в Москве, – показывал Э.Д. Grimm, – узнав, что я живу в Доме ученых, сюда приехал академик Платонов <...>. Близких отношений у нас никогда не было, но мы относились друг к другу с симпатией, хотя и расходились в период революции 1905 года, когда я стал кадетом. Он же занял довольно правую позицию. Думаю, он не верил, что я вернуся в СССР, не преследуя контрреволюционных намерений» [2, л. 58].

Но следствие интересовал не сам академик, а московский филиал, возглавляемой им в 1920-е годы мифической контрреволюционной монархической организации «Союз борьбы за возрождение свободной России», с членами которого профессорами А.И. Яковлевым, Ю.В. Готье и Д.Н. Егоровым он, якобы, и познакомил Э.Д. Grimm. Именно они, как следует из показаний Э.Д. Grimm, и составили «руководящее ядро» созданной им в Москве контрреволюционной кадетской организации [2, л. 120].

Характерной особенностью практически всех следственных дел о контрреволюцион-

ных организациях в СССР 1920–1930-х годов является усиленный поиск следователями так называемого заграничного следа в их деятельности. Но, как известно, Э.Д. Grimm после возвращения в 1923 году на Родину, за границей не был. Не поддерживал он никаких отношений и со своими заграничными родственниками. В этих условиях следствие не нашло ничего лучшего, как определить на роль посредника между организацией Э.Д. Grimm и неким Заграничным кадетским центром во главе с П.Н. Милюковым и В.М. Ону известного ученого, бывшего члена ЦК кадетской партии, академика Владимира Ивановича Вернадского.

Что касается Э.Д. Grimm, то он со своей стороны по мере своих сил и знаний вынужден был помогать следствию в фабрикации этой версии. Характерен в этом плане диалог, состоявшийся между следователем и Grimmом на допросе 17 сентября 1938 года.

«Вопрос. Связь с Милюковым Вернадский осуществлял только во время своих поездок за границу?»

Ответ. Нет. Как мне было известно <...> Егоров и Крачковский по поручению Вернадского во время заграничных командировок встречались с Милюковым. <...>. Встречи с Милюковым в разное время имели также руководящие участники организации: академики Надсон, Алексеев, Шателен.

Вопрос. Кто Вас информировал о встречах Вернадского с Милюковым?

Ответ. Сперва Егоров, а позже Крачковский.

Вопрос. Значит, свою деятельность организация вела на основе получаемых через Вас директив и указаний из-за границы от лидера кадетов Милюкова и Ону, связанных, непосредственно с английской разведкой...?

Ответ. Да» [2, л. 159–160].

В отличие от обширных показаний ученого от 14 сентября его следующий допрос 17 сентября, надо полагать, ввиду болезненного состояния подследственного (стал заговариваться), остался незавершенным. «Мы прерываем допрос, – угрожающе заявил при этом Э.Д. Grimm следователю, – на следующих допросах Вам еще много раз придется рассуждать, как о личном составе организации, так и ее контрреволюционной работе, особенно за последние годы» [2, л. 161]. Очевидно, что планы следствия по фабрикации дела были самые серьезные.

Большой интерес в этом плане предвзывает составленный следователями на

24 | основе показаний Э.Д. Гримма перечень 38 членов возглавляемой им контрреволюционной организации [2, л. 162], по каждому из которых, судя по пометам, проводилась проверка.

Конечно же, фигурирующим в перечне покойным к этому времени С.Ф. Платонову, С.Ф. Ольденбургу, Д.Н. Егорову и М.М. Богословскому это было уже все равно, да и находившимся за границей П.Н. Милюкову, М.И. Ростовцеву, Б.Н. Лосскому тоже ничем не угрожало, чего нельзя сказать об остальных – В.И. Вернадском, Ю.В. Готье, А.А. Грушке, В.М. Алексееве, Е.В. Тарле, И.Ю. Крачковском, Ф.И. Щербатском, В.В. Струве, В.Ф. Шишмареве, Г.А. Надсоне, А.И. Яковлеве. Слишком уж очевидна была в случае раскручивания чекистами этого дела нависшая над ними опасность.

Вылилось ли бы дело о существовании в Москве и Ленинграде второй половины 1920-х – 1930-х годов мифической подпольной кадетской структуры в новое издание «Академического дела 1929–1931 гг.», или же оно было бы спущено на тормозах, сказать сегодня наверняка нельзя. Наша точка зрения состоит в том, что победил бы, в конечном счете, все же второй вариант.

Надо понимать, что со времени фабрикации «Академического дела» много воды утекло и те задачи, которые решались с его помощью властью (советизация Академии наук, борьба с «вредительством» старых специалистов) к концу 1930-х годов уже потеряли былую актуальность. Нельзя сбрасывать со счетов и так называемую «бериевскую оттепель» и перемены, которые произошли в репрессивной политике НКВД в связи с отставкой в ноябре 1938 года Н.И. Ежова и назначением на должность наркома Л.П. Берии. Сменилось руководство и в ленинградском управлении НКВД: вместо застрелившегося 12 ноября 1938 года М.И. Литвина, начальником управления стал комиссар госбезопасности 2 ранга С.А. Гоглидзе.

Не следует упускать из виду, что практически одновременно с делом о кадетской организации следователями 5-го отделения 4-го отдела УНКВД ЛО раскручивалось аналогичное дело (первые аресты по нему прошли в апреле, последние – в октябре 1938 года) и о так называемой контрреволюционной меньшевистской организации в Ленинграде. И что самое любопытное, они тоже, как и их коллеги – бывшие кадеты, были обвинены в том, что получали директивы от заграничного центра, но уже меньшевистского.

Не вдаваясь в детали, отметим, что из 12 арестованных по этому делу профес-

соров, реальные сроки получили только двое: А.Н. Шебунин и Я.М. Захер, причем не за участие в контрреволюционной организации, доказать которое, по мнению суда, следствию не удалось, а как бывшие активные меньшевики или, говоря языком того времени, «социально опасные элементы» [6, с. 44]. Полный провал «дела» о меньшевистской организации среди старой профессуры Ленинграда, таким образом, более чем очевиден. Такой же бесславный конец ожидал, судя по всему, и фабрикуемое следователями на основе показаний Э.Д. Гримма и «дело» о кадетской организации.

Так что заболел Э.Д. Гримм очень даже вовремя, что, собственно, и позволило фабриковавшим это «дело» не доводить его до суда, а под предлогом невозможности дальнейшей работы с сошедшим с ума подследственным, тихо закрыть его. Хотя ничто, казалось бы, не мешало им на основе его показаний произвести аресты и продолжить следствие.

Сейчас, конечно, нельзя сказать определенно, что послужило основной причиной умопомешательства Э.Д. Гримма: сам факт ареста и грубое отношение, избияния и издевательства со стороны следователей или же они только спровоцировали уже давно дремавшую болезнь. Но в последних числах октября состояние Э.Д. Гримма настолько ухудшилось, что его пришлось направить (31 октября 1938 г.) на излечение в психиатрическое отделение тюремной больницы. Так как к никакому улучшению состояния больного его пребывание здесь не привело, то 7 ноября 1938 года было решено поместить его в специализированную психиатрическую больницу им. Фореля [2, л. 169]. Что же касается следствия по делу Э.Д. Гримма, то оно было приостановлено до его выздоровления.

Через семь месяцев, 8 июня 1939 года было получено врачебное заключение о психическом состоянии Э.Д. Гримма. Из него следовало, что заболевание приняло затяжной характер, и никаких надежд на его скорое выздоровление нет. В результате 21 июня 1939 года дело Э.Д. Гримма решено было направить на рассмотрение Военного трибунала ЛВО «для принятия мер социальной защиты медицинского характера» [2, л. 65].

В составленном, в связи с этим Обвинительном заключении от 25 июня 1939 года в вину ему (ст. 58–10 и 58–11 УК РСФСР) было поставлено:

1. «Националистическая контрреволюционная пропаганда».

2. «Разведывательная работа в пользу одного иностранного государства».

3. Организация («один из организаторов») подпольной контрреволюционной кадетской организации в СССР [2, л. 172].

Каких-либо других доказательств вины Э.Д. Гримма кроме полученных от него признаний приведено не было.

Впрочем, ввиду особых обстоятельств дела, они, эти доказательства, были уже едва ли нужны. В своем заседании от 16 июля 1939 года Военный трибунал ЛВО под председательством военного юриста 1-го ранга Гаврилова определил: «Ввиду психической болезни Э.Д. Гримма, что подтверждается актами, дело его произ-

водством прекратить. Гримма Э.Д. направить для принудительного лечения до полного выздоровления в психиатрическую больницу с изоляцией» [2, л. 174].

С июня 1939 по февраль 1940 г.г. Э.Д. Гримм находился в психиатрической больнице им. Фореля. 18 февраля этого же года, благодаря хлопотам Е.П. Романовой – супруги историка Б.А. Романова, ей было разрешено забрать уже фактически умиравшего ученого к себе на квартиру под амбулаторное наблюдение районного психиатра. Здесь, на квартире у Б.А. и Е.П. Романовых, 25 февраля 1940 года в возрасте 69 лет он и умер [8, с. 127]. Реабилитирован Э.Д. Гримм был только 15 марта 2001 года.

Список литературы:

- [1] Анциферов Н.П. Из дум о былом. Воспоминания. – М.: Феникс; Культурная инициатива, 1992. – 512 с.
- [2] Архив УФСБ по СПб и Ленинградской области. – Дело № П-8934, т.1. (По обвинению Гримма Э.Д.).
- [3] Беляева О.М. Сергей Федорович Платонов и Эрвин Давидович Гримм: коллеги по Петербургскому университету // Памяти академика С.Ф. Платонова. Исследования и материалы / Ответственные редакторы: А.Ю. Дворниченко и С.О. Шмидт. – СПб.: Любавич, 2011. – С. 88–91.
- [4] Беляева О.М. Э.Д. Гримм в Петербургском университете: путь к профессорскому званию // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Выпуск 36. – М., 2011. – С. 198–230.
- [5] Беляева О.М. Эрвин Давидович Гримм: судьба ученого на переломе эпох // Исторические записки. Т. 1(130). Памяти Александра Александровича Фурсенко / Отв. ред. академик Б.В. Ананьич. – М.: Наука, 2009. – С. 308–351.
- [6] Брачев В.С. «Дело» Я.М. Захера // Общество. Среда. Развитие. – 2012, № 2. – С. 41–45.
- [7] Брачев В.С. Дело историков 1929–1931 г.г. – СПб.: Нестор, 1998. – 125 с.
- [8] Васильков Я.В., Сорокина М.Ю. Люди и судьбы. Библиографический словарь востоковедов- жертв политического террора в советский период (1917–1991). – СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. – 496 с.
- [9] Главные труды проф. Э.Д. Гримма, 1937 г. // СПб. ф. Архива РАН. – Ф. 133. Оп. 3. – Дело № 11 (Гримм Э.Д.).
- [10] Грацианский Н.П. Бургундская деревня в X–XII столетиях. – М.–Л., 1935.
- [11] Грим Э.Д. Китайский вопрос от Симоносекского мира до мировой войны // Новый Восток. – 1925, № 6.
- [12] Гримм Э.Д. Доктрина открытых дверей и американская политика в Китае от 1899 до 1921–1922г.г. // Международная жизнь. – 1924, № 4–5.
- [13] Гримм Э.Д. К истории русско-болгарских отношений // Новый Восток. – 1924, № 5.
- [14] Гримм Э.Д. Мирабо. Очерк из истории Великой Французской революции. – СПб.: Кн. изд. «Общественная польза», 1908.
- [15] Гримм Э.Д. Политические воззрения Ипполита Тэна. – СПб.: Издательство тип. М.О. Вольф, 1910.
- [16] Гримм Э.Д. Революция 1848 года во Франции. Ч. 1. Подготовка революции 1848 г. – СПб.: изд. «Брокгауз-Эфрон», 1908.
- [17] Гримм Э.Д. Революция 1848 года во Франции. Ч. 2. Февральская революция 1848 г. – СПб.: изд. «Брокгауз-Эфрон», 1908.
- [18] Гримм Э.Д. // Биографический словарь сотрудников Библиотеки Российской Академии Наук / Гл. ред. и сост. В.П. Леонов. Т. 1. – СПб.: Науч. издательство «Гуманистика», 2014.
- [19] Гримм Э.Д. Борьба народов // Вопросы мировой войны. Сборник статей / Под ред. М.И. Туган-Барановского. – Пг.: Изд. юр. кн. маг. «Право», 1915.
- [20] Гримм Э.Д. Исследование по истории развития Римской императорской власти. Т. 1. Римская императорская власть от Августа до Нерона. – СПб.: тип.Стасюлевича, 1900.
- [21] Гримм Э.Д. Исследование по истории развития Римской императорской власти. Т. 2, Римская императорская власть от Гальбы до Марка Аврелия. – СПб., 1901.
- [22] Гримм Э.Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925). – М.: Институт Востоковедения им. Н.Н. Нариманова, 1927.
- [23] Гримм Э.Д. Этапы китайской революции и Вашингтонская конференция 1921–1923 г.г. // Международная жизнь. – 1926, № 7.
- [24] Протоколы заседаний Совета императорского Санкт-Петербургского университета за 1911 г. – СПб., 1913.
- [25] Ростовцев Е.А. Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина 19 – начало 20 в.). – М.: РОССПЭН, 2017. – 903 с.
- [26] СПб. ф. Архива РАН. – Ф. 133, оп. 3. – Дело № 11 (Э.Д. Гримм).